

Дмитрий Даль
Пётр Алмазный

ТИМУР и его отряд

Рыжий

Славка

Катя

Дмитрий Даль
Петр Алмазный
Тимур и его отряд

<https://litres.ru/74011296>

SelfPub; 2026

Аннотация

Опер из XXI века приходит в себя в теле ленинградского школьника в 1934 году. Когда в его руках оказывается зашифрованный платок, обычная подростковая жизнь заканчивается. И начинается история о смертельно опасной тайне, о расследованиях, бандитах, убийствах, старинных кладях и многом другом. Это первая настоящая проверка для Тимура и его друзей.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Нападение в подворотне	5
Глава 2. Платок с иероглифами	18
Гл	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тимур и его отряд

Глава

Название: Тимур и его отряд

Автор(-ы): Петр Алмазный, Дмитрий Даль

Глава 1. Нападение в подворотне

Теплым августовским вечером мы возвращались из кино-театра.

Ходили смотреть нашумевшую картину «Путевка в жизнь». Её вокруг все обсуждали. Оно и понятно. Один из первых звуковых фильмов.

Недавно старорежимный кинотеатр «Пикадилли» на проспекте 25-го Октября сменил название. Теперь он назывался свежо, модно, по-революционному — «Аврора».

С новым названием в кинотеатре появился звук. Только меня звуковым кино не удивишь. Я 3D фильмы про супер-героев видел. И «Путевку в жизнь» несколько раз смотрел. В другой жизни. До того, как попал сюда.

В моем времени проспект 25-го Октября назывался Невским проспектом.

Другое дело мои друзья — Пашка, Славка и Катька. Они во второй раз смотрели это кино, но все равно полны эмоций, переживаний и мыслей.

Прогулочным шагом мы шли по улице Марата. У ребят горели глаза, они обсуждали увиденное. Дай им волю они бы сейчас ворвались в кинокартину, чтобы найти и покарать ненавистного бандита Жигана.

— Тяжелое время было. Сколько ребят хороших вот так в бандиты подались. Не всем так повезло в коммуны попасть,

— сказала Катька и поправила рукой непослушную русую челку, упавшую на глаза.

— Да мы если вдуматься в прекрасное время живем. Все дороги перед нами открыты. Занимайся чем хочешь. Дерзай. Сейчас столько возможностей. Страна строится. Везде умные головы нужны. А тогда смутное время было. Разруха, голод, раздрай в сердцах и головах. Наши родители герои, что смогли и нас вырастить и себя сохранить, — ответил Славка.

Он среди нас самый рассудительный и серьезный. Умный, начитанный, увлекается шахматами.

Среди дворовых ребят Славку все зовут Гроссмейстером. Кличка намертво прилепилась к нему, когда он со взрослыми соседями на четырех досках одновременно сыграл. Три партии выиграл, одну проиграл.

Славка из интеллигентной семьи, такие еще называют старорежимными. Его родители университетские преподаватели. Папа в Университете читал лекции по истории. Мама была филологом.

Жили они в двух комнатах в коммуналке, как и все мы, и дома у них было полно книг на любой вкус. Мы все брали у Славки книги почитать, в основном приключенческие.

— А вы видели какой этот Жиган подлец? Сволочь какая недобитая. Мне бы дай маузер, я бы в нем дырок сразу наделал. Не думая. Такая контра жить не достойна, — горячился Пашка.

То и дело он обгонял нас, поворачивался лицом и горя-

что что-то рассказывал на ходу. Его рыжие курчавые волосы нелепо топорщились в разные стороны, а веснушчатое лицо кривилось в гримасах.

Пашка парнишка горячий. У него все просто. Мир черно-белый. Тут враги, здесь друзья. Любой вопрос можно решить кавалерийской атакой в лоб.

Его отец в Гражданскую войну был кавалеристом. Сражался бок о бок с Будённым.

Дома в деревянной рамке под стеклом у них фотография висела – отец Пашки, его друг, погибший на фронте и сам командарм Семен Михайлович Буденный.

— Тебе бы, Пашка, все контриков ловить, да дырки в них делать, — язвительно заметил я.

Мы все выросли в одном дворе, дружили с самого детства и ходили в одну школу.

Я среди ребят был самый старший. У меня день рождения зимой, а у остальных весной и летом.

Вернее, не у меня, а у Тимура Ермакова. В чьем измученном горячкой теле я проснулся две недели назад, переместившись из далекого двадцать первого века в тысяча девятьсот тридцать четвертый год.

— Нам о нашей стране думать надо, — важно сообщила Катька. — Как ее развивать и строить, чтобы у нас никогда не было голода и разрухи. Вон опять пишут, что в Поволжье неурожай. С этим бороться надо.

— С этим безусловно бороться надо, — согласился Пашка

Рыжий и внезапно резко встал, да выставил перед собой руку как шлагбаум, останавливая остальных ребят.

— Ты чего? – сурово спросил я.

Не нравилось мне, когда меня вот так грубо останавливают, когда настроение чудесное, а рядом со мной верные друзья и Катька. Я хоть знаю ее всего две недели, но продолжаю на нее смотреть влюбленными глазами прежнего Тимура.

— Кошка черная. Примета плохая. Перейдет черная кошка дорогу, быть беде, — сказал Пашка.

— Тьфу ты. Такой взрослый парень, пионер, а в приметы поповские веришь, — сердито отчитал Пашку Славка.

— Ничего они не поповские. Мне так баба Шура всю жизнь говорила. А баба Шура мудрая женщина была и в Империалистическую, и в Гражданскую выжила, да трех сыночек выходила. Никогда ни в чем не ошибалась, — яростно бросился на защиту приметы Пашка.

Я посмотрел по сторонам и увидел черного тощего кота с белым пятном на кончике хвоста, сидевшего вдалеке на нашем пути возле кирпичной стены.

— Так этот кот не считается, — авторитетно заявил я. — У него на хвосте белое пятно. Он не до конца черный кот. На него приметы не распространяются.

— Ты в этом уверен? – спросил Пашка, с недоверием смотря на облизывающегося довольного кота, которому было совершенно безразлично до нас и наших дурацких примет.

— Абсолютно. Ты чего сомневаешься во мне? — с нажимом спросил я.

— Нет, — неуверенно ответил Пашка.

Я убрал его руку и первым шагнул вперед.

Ребята пошли за мной.

Кот тоже пришел в движение. Он нас заметил и решил с нами не связываться. Может и у котов есть какие-то приметы по поводу рыжих с веснушками парней.

Он бросился нам наперерез, перебежал улицу и скрылся во дворе дома напротив.

Проходя то место, где кот нам дорогу перебежал, Пашка на мгновение задержался. Но уже через минуту горячо спорил со Славкой о футболе. Сможет ли сборная команда их школы обыграть сборную соседней.

Недавно Пашку взяли в команду вратарем, хотя он хотел быть форвардом или на худой случай защитником. Теперь он болел за победу родной команды, а Славка сомневался.

Славка часто во всем сомневается. Времена меняются, а футбольные споры остаются вечными.

Я думал о своем, не слушая споры ребят. Возможно поэтому первым увидел какую-то подозрительную борьбу в одной из подворотен впереди. А затем услышал звуки серьезной драки.

С улицы ничего толком видно не было. Только две фигуры, вцепившиеся друг в друга в темноте арки дома напротив. Но одно было понятно однозначно. Двое ожесточенно

дрались.

Возможно, мы случайно стали свидетелями уличного ограбления. Несмотря на то, что времена сейчас были относительно спокойные. Давно уже ушло в прошлое время Леньки Пантелеева, да и Государственное Общежитие Пролетариата на Лиговском проспекте давно закрылось, но бывшие его обитатели разбрелись по всему городу.

Время от времени гопники или по-нашему бандиты, да и просто хулиганье устраивали беспредел, грабили среди бела дня прохожих, совершали квартирные кражи и даже убийства.

Советское общество хоть и было молодым, но все равно болело старыми царскими болезнями, с которыми усиленно боролась народная милиция.

Только вот милиции поблизости не было, а действовать надо было решительно.

— Вперед! наших бьют! — с этим криком я бросился бегом через улицу в подворотню.

И с чего я решил, что в этой подворотне есть наши, не знаю. Сработала старая тимуровская память.

Ребята без раздумий бросились за мной, даже Катька. Хотя, чему тут удивляться. Катька вообще смелая спортивная девчонка.

Я первым влетел в подворотню и с ходу пнул мужика, который навалился сверху на второго человека и отчаянно наносил ему удары.

Не знаю уж кто тут был прав или виноват. Может наоборот на асфальте лежал грабитель, а пострадавшему удалось одержать верх в схватке.

Некогда мне было в этом разбираться.

Следом за мной появился Пашка и сразу же набросился на стоявшего мужика, который еще не разобрался что к чему, но готовился снова нырнуть в бой.

Мужик ловко перебросил Пашку через себя. Знает специальные приемчики. Подготовленный товарищ, чувствует себя не просто уличный бандит из темной подворотни.

Я почувствовал на себе тяжелый опасный взгляд. Нападавший смотрел на меня, оценивая степень угрозы. Он не собирался отступить.

Двое случайных мальчишек не могли помешать его планам. Какие бы там они у него не были.

Но вот появление Катька и Славки заставили его сомневаться. Четверо свидетелей — это серьезная помеха. К тому же Катька закричала на весь двор:

— Караул! Грабят! Милиция!

Захлопали ставни, люди стали высовываться наружу поглядеть, кто это поднял шум, кого это там грабят.

Нападавший смерил меня тяжелым взглядом человека, которому было не привыкать убивать. Я в прежней жизни часто видел такие взгляды. Профессия обязывала общаться с людьми подобного сорта.

Только сейчас мне удалось его разглядеть. Широкое

округлое лицо с глубоко посаженными глазами, высокий лоб, толстый мясистый нос и двухнедельная щетина. Колочий холодный взгляд карих глаз и тонкие презрительно скривленные губы. Уверен, он тоже хорошо меня разглядел и запомнил.

Нападавший сплюнул на пол, развернулся и бросился бежать.

Он решил, что сейчас самое правильное отступить. Четверо неожиданно свалившихся на его голову молодых людей его несколько не напугали. Он боялся лишнего шума и появления милиции.

Если бы не это, то он бы расправился с нами без малейшего сожаления. Мы всего лишь досадная помеха на пути к его цели. А его цель лежала окровавленная у наших ног.

Нападавший пробежал через двор и скрылся в соседнем дворе. Поднявшийся с земли Пашка дернулся было за ним в погоню, но я его остановил:

— Стой. Куда. Брось.

Пашка послушался, хотя ему было обидно, что его вот так просто победили.

Он понять не мог, что случилось. Только хотел нанести удар, как оказался в воздухе, затем впечатался в стену и тут же уже лежал на холодном, пахнувшем сыростью асфальте.

Хлопали новые открывающиеся ставни. Люди выглядывали во двор, пытаясь разобраться в происходящем.

— Славка, дуй за милицией, — приказал я.

В моем мире вызвать милицию не проблема, достаточно просто позвонить по телефону. Но в тридцать четвертом году телефонов в домашних квартирах практически не было. Нужно было самим бежать до участка.

Славка без раздумий бросился выполнять мой приказ.

Я нагнулся к окровавленному человеку на асфальте.

Это был мужчина средних лет с виду простой рабочий в легкой куртке и серой рубашке. Его лицо было разбито. Глаза заплывали опухольями от побоев. Рубашка на груди разорвана, и он что-то держал в крепко сжатом кулаке левой руки. Костяшки пальцев на правой руке были сбиты, что говорило о том, что он оказывал активное сопротивление при нападении.

Пострадавший заметил меня, схватил правой рукой и скривился от боли. Только тут я заметил, что на рубашке в области живота расплывалось кровавое пятно. Похоже нападавший нанес ему как минимум одно ножевое, хотя я ножа у него в руках не видел.

Раненный что-то зашептал разбитыми губами. Только из его горла раздался лишь хрип и кровь запузырилась на губах.

Я наклонился поближе, и наконец разобрал одно лишь слово:

— Спрячь.

После этого он сунул мне в руки то, что сжимал в леаом кулаке. Это был какой-то кусок ткани. Только мне некогда было его рассматривать.

Он просил его спрятать, и я, не раздумывая, засунул эту тряпку в карман. О чем тут же до времени и забыл.

Раненный же успокоился, обмяк и закрыл облегченно глаза. Как бы он тут не умер на месте, пока помощь не подоспела.

Через четверть часа появился Славка в сопровождении двух милиционеров в белых мундирах и касках. Один из них склонился над пострадавшим, пытаясь разобраться чем ему помочь. Второй тут же подступился к нам.

— Милиционер Сахаров, — представился он, поднеся руку к белой каске с большой красной звездой. — Что здесь произошло?

— Мы шли мимо. Из кино. Увидели, как кто-то дерется. Поспешили разнять драчунов. Нападавший убежал вон туда, — я коротко доложил о происшествии.

— И это все?

— Собственно, ничего больше мы не видели, — вставил свои пару слов Пашка.

— Честное пионерское, — поклялась Катька.

— Ему бы к врачу. Его, кажется, ножом ранили, — сказал я.

Милиционер Сахаров тут же насторожился:

— У нападавшего был нож?

— Мы не видели. Но его кто-то порезал. Не сам же он себя порезал, — ответил я.

— Точно не сам, — согласился Сахаров, разглядывая по-

страдавшего. — Петька, он там как жив?

— Живой, — отозвался второй милиционер.

— Карету скорой помощи мы уже вызвали. Скоро придет, — сказал Сахаров. — А не откинется пока мы тут ждем?

— Да нет. Человек тварь живучая. Побили его знатно. Ножом только мякотку порезали. Кровищи много, а ничего жизненно важного не пострадало. Так что выкарабкается.

— Хорошо. Тогда так ребята. Я сейчас запишу ваши фамилии и адреса. И жду вас завтра в отделе в одиннадцать утра для дачи свидетельских показаний, — сказал Сахаров.

Он расстегнул планшет, достал блокнот и простой серый карандаш.

Я первым продиктовал ему фамилию имя отчество и свой адрес прописки.

Затем это сделали Пашка, Славик и Катька. После этого нас никто больше не задерживал, но мы все же дождались пока придет карета скорой помощи, старомодная дореволюционная машина.

Пострадавшего загрузили на носилки и аккуратно поместили в автомобиль через заднюю дверь. Во время этой процедуры он пришел в себя, обвел мутным взглядом близких стоящих, увидел меня и что-то попытался сказать, но я не разобрал.

Захлопнули дверцы, санитары забрались в машину, и она уехала, рыча мотором.

А мы пошли домой. Первое время мы молчали, но потом

Пашка не сдержался и заговорил:

— Хорошо, что мы оказались поблизости. А то бы убил бандит этого мужика, как Жиган Мустафу.

— Точно говоришь. Вовремя мы, — согласился Славка.

Я сохранял молчание, размышляя над тем, свидетелем какой сцены мы сейчас стали. Эх, все-таки черная кошка, что перебежала нам дорогу, похожа была настоящей черной. А белое пятно, это она так где—то в краску вляпалась. Не иначе.

Мы вошли в наш двор. Было уже поздно. Дома нас ждали родители. Мы тепло попрощались, договорились встретиться завтра в десять во дворе, чтобы потом идти в милицию, и разошлись.

Только дома, после того как я поужинал горячей отварной картошкой и жареной курицей, я неожиданно вспомнил о какой-то ткани, которую успел передать мне безымянный пострадавший до появления милиции.

Я вышел в прихожую, подошел к вешалке и запустил руку в карман своей куртки.

Я извлек на свет электрической лампочки приятный на ощупь белый платок изящным вензелем «АК».

Платок был явно из прежних буржуазных времен. Такие платки рабочие в карманах не носят, а уж тем более в них не сморкаются.

Но не это привлекло мое внимание, а таинственные иероглифы, написанные красной тушью. Они несли в себе ка-

кой-то важный зашифрованный смысл.

Не простой это был платок. Из-за простого платка двое здоровых мужчин не стали бы драться насмерть.

Тогда я не знал и подумать не мог, к каким головокружительным приключениям приведет нас этот платок.

Глава 2. Платок с иероглифами

Я еще вечером хотел бежать к друзьям, чтобы показать им этот платок. Но мама сказала, что уже поздно, не стоит друзей беспокоить. Утро вечера мудренее.

В соседнем дворе, говорят, бандиты на прохожего напали и порезали. Опасно просто так по улицам ходить.

Это вернулась со службы соседка Марья Кузьминична и рассказала. Она любительница собирать окрестные сплетни. У нее в каждом дворе есть свои уши и глаза. Столько товарок ни у одной женщины с нашего двора нет. Марья Кузьминична пока к дому идет, успевает узнать все последние события, произошедшие на улице Марата.

Хорошо, что ей никто не рассказал про наше участие в этой драке. Иначе, мама бы сильно распереживалась и весь вечер пила бы успокоительные капли.

Моя мама Ольга Ивановна вставала в шесть утра на работу. Трудилась она неподалеку на шрифтолитейном заводе, бывшем заводе «Словолитня О. И. Лемана». Здесь изготавливались шрифты для книг и газет, а также выпускались логарифмические линейки, очень важный инструмент в разных сферах народного хозяйства молодой страны. Мама же работала в новом экспериментальном цеху, где разрабатывали шрифты для народностей СССР, у которых ранее не было своей письменности.

Полтора года назад ее муж и мой отец погиб при исполнении служебных обязанностей. Максим Евгеньевич Ермаков был пламенным коммунистом, членом партии с тысячи девятьсот пятого года. Воевал в Гражданскую войну против Колчака. После войны осел в Ленинграде, где поступил на службу в ряды молодой милиции. Строил молодую республику с самых первых дней. Сражался с бандитами в двадцатые, очищал город от всякой контры и нечисти. Участвовал в множестве задержаний и перестрелок, ликвидировал не одну банду и ни одной царапины. Пошел по карьерной лестнице вверх, возглавил районный отдел милиции. А полтора года назад нарвался на бандитскую пулю во время задержания грабителей заводской кассы. Не его дело было идти на оперативное мероприятие, но он всегда был горячим человеком. Хотел самолично возглавить операцию против бандитов, которые причинили много вреда советским служащим.

Мама тогда чуть с ума не сошла. Плакала днями и ночами. Спасла только работа и забота о сыне.

Я всю ночь не мог уснуть. Ворочался из стороны в сторону. Иногда проваливался в какую-то странную полудрему, где мне мерещился здоровый мужик с ножом, который требовал отдать ему платок с иероглифами.

Поэтому с утра первым делом я оделся и отправился к Пашке. Мне надо было обсудить мою таинственную находку.

Почему именно к Пашке? Да потому, что Славка сегодня с утра на шахматной секции. Занятия у него до одиннадца-

ти, но он обещал отпроситься. А к Катьке я почему-то один стеснялся идти.

Я еще до конца не разобрался в своих чувствах к Катьке, но одно могу сказать точно - прежний Тимур в нее был влюблен. Но от решительных шагов его останавливал тот факт, что и Славка в нее был тайно влюблен. Тимур не хотел разрушать их спаянную годами дружбу, поэтому держался в тени, стараясь ничем не выдать своих чувств. Славка придерживался той же тактики. А Катька похоже ни о чем не догадывалась, или делала вид, что не догадывается.

Пашка жил в соседней парадной на третьем этаже.

Двор заливало солнце. Весело щебетали воробьи, топорща крыльями в пыльных лужах.

Я вбежал в соседскую парадную, поднялся на нужный мне этаж и три раза крутанул ручку механического звонка. За дверью послышался ржавая входная трель, но никто не спешил мне открывать. Тогда я еще раз повторил процедуру.

За дверью послышались тяжелые шаги. Открыл мне сосед Пашки старик Прохор, служивший счетоводом в соседней сберегательной кассе, но сейчас по состоянию здоровья сидевший дома.

— Чего тебе? — недружелюбно спросил он.

— Мне бы Пашку, — ответил я.

— Пашка во двор побежал, — сказал он и попытался закрыть передо мной дверь, но позади него уже маячила вихрастая рыжая пашкина голова.

— Дед Прохор зачем вы Тимура обманываете. Я дома еще, — грозно заявил он.

Дед Прохор вздрогнул, обернулся, увидел Пашку и сказал: — Я думал ты во дворе.

Тяжелым шагом, впечатывая ноги в пол, он пошел по коридору и скрылся в своей комнате.

Дед Прохор воевал на Империалистической. Был тяжело ранен, но выжил. Характер правда приобрел склочный и тяжелый. Так все соседи во дворе говорили, кто его раньше знал.

— Ты чего так рано? Мы же в десять договорились? — удивился Пашка.

— Разговор серьезный есть. Про вчерашнюю драку.

— Тихо ты, — сделал страшные глаза Пашка. — Не хватало чтобы тебя кто-то услышал. Тетка Клавдия вчера вернулась. Всем рассказала про страшное бандитское нападение. Мама теперь вообще меня боится одного во двор отпускать. Говорит, что пока отец не вернется из командировки, чтобы я и не думал. А я что маленький что ли?

Отец Пашки после Гражданской войны пошел учиться на инженера железнодорожника.

Теперь занимался тем, что проектировал железные дороги и участвовал в их строительстве. Поэтому постоянно ездил по командировкам, чтобы на местах контролировать процесс строительства.

Он всегда говорил ребятам, что скоро весь Советский Со-

юз опутают железные дороги. Это дело ближайшего и светлого будущего.

— Хорошо буду тихо. Но дело все равно есть, — настаивал я на немедленном разговоре.

Пашка обернулся по сторонам, словно опасался, что их могут подслушать и сказал:

— Мамка за молоком ушла. Тетка на службе. Заходи.

Он впустил меня в квартиру, запер дверь и проводил до своей комнаты, где на пятнадцати квадратных метрах он жил с теткой.

Мама с отцом жили в соседней десятиметровой комнате.

Помимо деда Прохора в коммунальной квартире еще проживала семья Богдановых. Муж электрик, жена прачка и двое малых детей. Ютились они в десятиметровой комнате, отчего с завистью смотрели на семью Пашки. Им на четверых две комнаты досталось.

Сразу, как только Пашка закрыл дверь в коридор, я достал из кармана платок и протянул ему.

Пашка с презрением посмотрел на платок и ответил:

— Спасибо, но я не чихал.

— Да при чем тут чихание? — не понял я.

— И насморка у меня нет. И вообще это какой-то мамзельский платок. Мне такой не нужен. Ты чего ко мне прибежал в такую рань своим новым платком хвастаться? У меня лучше.

Пашка извлек из кармана штанов квадратный кусок пару-

сины.

— Смотри я у Кости Моряка выменял. Настоящий морской. С линкора «Императрица Мария».

— Дурак ты, Рыжий. При чем тут платки. Я тебе не то показываю. Вчера после драки мне потерпевший этот платок отдал. Видишь тут в углу на нем даже пятна крови остались.

— Так. И зачем он тебе его отдал?

— Он сказал только: Сохрани. Видно, важный это платок. Я вообще подозреваю, что из-за него драка эта и началась. Наш потерпевший его крепко в кулаке держал. Нападавший пытался этим платком завладеть, а второй его не отдавал. Вот они и начали драться.

— Вот дураки, — сказал Пашка. — Из-за какого-то платка драку устраивать.

— Так не простой это платок. Ты его рассмотри повнимательнее, — предложил я.

Пашка развернул платок на столе, где он по вечерам делал уроки, и, несмотря на то что в комнате было светло, зажег настольную лампу.

Он долго и внимательно изучал платок, хмурился, потом смотрел на меня и снова на платок. Наконец изрек:

— Я же говорил, что черная кошка к беде. А ты все она с белым пятном. Это не считается. Вот и получите, распишитесь.

— Ни о том ты думаешь, Пашка. Ты вот эти закорючки видишь? — я ткнул пальцем в цепочку непонятных иерогли-

фов.

— Вижу, — серьезно ответил Пашка.

— И что ты видишь? — спросил я, начиная терять терпение.

— Каляки-маляки какие-то детские.

— Ничего то ты, Пашка, не видишь. Какие это тебе каляки-маляки. Это самый настоящий шифр, — твердо заявил я.

Пашка серьезно посмотрел на меня, потом снова уставился на платок, поближе к нему наклонив лампу.

— Аккуратнее платок не спали, — попросил я.

— Не бойсь, — сказа он, продолжая его разглядывать. — Почему ты решил, что это шифр?

— Ну скажи зачем кому-то на платке рисовать фиолетовыми чернилами какие-то непонятные символы. Затем постоянно носить платок с собой.

— Почему ты решил, что платок с собой носили? — перебил меня Пашка.

— А ты приглядиись. Платок он изначально из дорогой ткани и был белый. А от старости и грязи стал серым, — сказал я.

— Точно. Вижу, — согласился Пашка.

— Итак, продолжим. Кто-то его с собой постоянно носил, а потом из-за него случилась драка, чуть до смертоубийства не дошедшая. И после этого ты будешь говорить, что это не шифр?

— Да с чего ты решил, что из-за него?!

Пашка в сердцах отодвинул лампу от себя и вскочил из-за стола.

— Ну сам посуди. Ты только что подрался. Тебя изрядно отделали...

— Я сам кого хошь изрядно отделаю, — гордо заявил Пашка, не желавший даже потенциально обсуждать свое поражение.

— Хорошо. Не о том разговор. Не ты. А Славка подрался. Его сильно побили, а он в крови, мучается от боли и просит первого попавшегося мальчишку спрятать какой-то там платок. Если бы платок не был важен, стал бы Славка о нем печься так?

Сравнение со Славкой Пашку успокоило.

— Нет. Славка только о важном печется. А о всяких пустяках не беспокоится. Значит этот платок совсем не пустяк, а очень важная вещь. Тут получается тайна какая-то сокрытая.

— О чем я тебе все утро и толкую, железная ты башка. Платок не простой, а с шифром, который ведет к чему-то очень важному.

— К буржуйскому кладу, — тут же предложил версию Пашка.

— Или к каким-то важным чертежам. Да мало ли что тут может скрыто. Может фамилии и явки вражеских шпионов. Глаза у Пашки загорелись от вспыхнувшего азарта.

— Значит, надо раскрыть тайну шифра и найти то что

здесь спрятано. Мы тогда сможем помочь советской власти и о нас в каждой газете напечатают, — гордо заявил он.

— Расшифровать тайну это хорошо. Только вот как мы ее расшифруем. С какой стороны за эти закорючки взяться. Ты вообще представляешь себе? — спросил я.

Пашка отрицательно потряс головой.

— Вот и я нет. И вообще не знаю. Может нам надо этот платок в милицию отнести, — с сомнением в голосе произнес я.

Совсем не хотелось такой находкой с милицией делиться.

— Ты с глуду съехал, шарнирная твоя башка. Вот вроде умный человек. Куда умнее меня. Почти такой же умный как Славка, а такие глупости говоришь. Вот отдадим милиции платок этот. А они спросят, почему сразу не отдали на месте преступления? Что ты ответишь?

— Забыл, — честно сказал я.

— Забыл... — протянул, передразнивая меня Пашка. — Они тебя мигом в сообщники запишут. Не в сообщники, так в пособники. Оправдывайся потом. А если они платку этому внимания не придадут и выкинут. Пиши-пропало. Нет. Нам самим сначала разобраться надо, а потом уже с готовым результатом идти.

— Договорились, — взгляд мой скользнул по стене и зацепился за стрелки настенных часов. Было уже десять. Нас ребята во дворе ждали.

Я сказал об этом Пашке, и мы бросились во двор, но пред-

варительно договорились не рассказывать ребятам о платке. После посещения милиции введем их в курс дела.

Славка и Катька уже сидели на скамейке во дворе. Молча наблюдали за играющими в ножички соседскими пацанами. Увидев нас, они заметно оживились.

— Ну, наконец-то чего так долго? — спросил Славка.

— Мальчики, а как думаете, нас в милиции долго промурьжат? А то мне в час надо быть в ТРАМе? — спросила Катька.

Она у нас девушка бойкая и активная. Помимо спортивных увлечений, Катька ходила в Театр Рабочей Молодежи на Литейном, где репетировала в спектакле «Плавятся дни» о борьбе старого семейного уклада с новым комсомольским стилем жизни.

Катька отзывалась о спектакле восторженно, но в памяти прежнего Тимура сохранилось воспоминание о чем-то хаотичном, смутном и плохо сыгранном.

— Кто их знает? — сказал пессимистично Пашка. — Может до самого вечера.

Мы вышли со двора и направились в отделение милиции, которое находилось в трех кварталах от нашего дома.

Улицу заливали солнечные лучи. Изредка по проезжей части проносились автомобили. На углу Звенигородской стояла лошадь, запряженная в телегу с какими-то бочками, и трое мужиков разгружали ее.

Милицейское отделение занимало двухэтажное отдельно

стоящее здание на углу Звенигородской и Марата.

Двести с лишним лет этот дом построили для зажиточного купца. Об этом напоминал только небольшой сквер, разбитый напротив входа. Теперь этот дом служил на благо всего трудового народа.

Возле отделения стояли два автомобиля ГАЗ-А черного цвета с большими красными звездами на бортах.

Двое сотрудников в белой форме стояли возле крыльца. Один из них остановил нас зычным голосом:

— Вы к кому, молодёжь?

— К милиционеру Сахарову, — ответил за всех я.

— Вам назначено?

— Да.

— Федор Сергеевич в тринадцатом кабинете. Справа по коридору, — направил нас милиционер, затягиваясь самокруткой.

Мы вошли в отделение, где нас снова остановили. Но я уверенно сказал, что мы идем к Сахарову Федору Сергеевичу в тринадцатый кабинет и нас без задержек пропустили.

— О, ребята. Молодцы что пришли, — обрадовался нам Сахаров.

Он сидел за большим письменным столом и писал что-то чернильной ручкой. Увидев нас, махнул рукой в сторону стульев.

— Присаживайтесь. Еще пару минут, и я вами займусь.

Я совсем не хотел, чтобы нами кто-то занимался. Но у нас

не было выбора.

Я с интересом разглядывал милицейский кабинет. И это было не праздное любопытство.

В прежней жизни, в будущем, я служил в Санкт-Петербурге в уголовном розыске в Московском РУВД. Так что я осматривал кабинет Сахарова с профессиональной и исторической точки зрения.

Кто еще из моих коллег может похвастаться, что ему довелось побывать на допросе у советского милиционера эпохи начала индустриализации?

Никто. Вот то-то и оно.

Правда и я не смогу похвастаться, если мне вдруг удастся вернуться назад. За такую информацию легко можно в дурку отъехать на принудительное лечение.

Наконец Сахаров закончил с заполнением своих отчетов. Времена меняются, а бумажная рутина остается неизменной.

И он приступил к нашему опросу. Его интересовало все, вплоть до того во сколько мы вышли из кинотеатра, и кто первым открыл окно во двор на призыв; «Караул! Грабят! Милиция!»

Особо его заинтересовало мое описание нападавшего бандита. Он записал его, потом попросил меня повторить и сверил с записанным.

— Спасибо, ребята за содействие. Когда мы поймем преступника, я вас вызову для опознания. Пока вы можете быть свободны.

— Скажите, товарищ милиционер, а пострадавший? Как его самочувствие? — спросил я.

— Ранение не опасное. Потерял конечно много крови, но выкарабкается. Пока без сознания в больнице.

— А в какой он больнице?

Сахаров посмотрел на меня с интересом:

— А зачем вам?

— Хотим навестить. Наше пионерское дело поддержать раненного. Может, ему чего-то надо, — ответил я.

— Помочь это конечно дело хорошее, — согласился Сахаров и написал адрес больницы на официальном милицейском бланке, поставил свою подпись и протянул мне.

— Там наш сотрудник сидит охраняет. Если будет не пускать, покажете эту бумажку, пропустит.

Я взял бумажку и сунул ее в карман рубашки. После чего мы попрощались и вышли из отделения милиции.

Впереди нас за сквером виднелся Семеновский ипподром.

Я был там однажды еще с отцом на показательных выступлениях конной милиции Военно-спортивного клуба. Напротив ипподрома стояли скамейки для отдыха гуляющих.

Я предложил ребятам там зависнуть для обсуждения важного вопроса. Они меня не совсем поняли. Зачем висеть для обсуждения важного вопроса? Можно его на ходу или сидя обсудить.

Надо быть осторожным с словечками из будущего.

Мы усадились на скамейку, и я достал свой трофей.

Платок вызвал живой интерес у Славки и Катьки. Сначала они его рассматривали вместе, потом по отдельности. Потом Славка послунывил палец и попробовал потереть один из символов. Стереть не получилось, и он авторитетно заявил:

— Давно нарисовали. В ткань въелось.

Мы обсуждали платок с четверть часа. Славка и Катька пришли к такому же мнению, как и я, что платок содержит важный шифр и пока что показывать его милиции преждевременно.

Надо попробовать расшифровать эту загадку самостоятельно, а если не получится, то вернуть платок владельцу, когда он придет в себя.

Но как разгадать шифр тем, кто никогда в жизни не сталкивался с шифрами?

— Я знаю, кто нам может помочь, — сказал я.

— Кто? — спросил Пашка.

— Федор Степанович, фотограф. Он старый друг моего отца. И любит всякие головоломки и шифры.

— Тогда чего мы тут сидим. Айда к фотографу, — тут же вскочил со скамейки Пашка.

Если бы я тогда мог знать, какой бедой обернется визит к Федору Степановичу, то никогда бы к нему не пошел.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.